

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.В. Чудинов*

ЖИЗНЬ И РЕВОЛЮЦИЯ Интервью с Клодом Мазориком

Во вступительной статье автор рассказывает о своих встречах с известным исследователем Французской революции, а в прошлом видным деятелем Французской коммунистической партии Клодом Мазориком, подчеркивая, что несмотря на их расхождения в оценках Французской революции, личность и общественная позиция этого историка всегда вызывали у него глубокое уважение и восхищение. По мнению автора, Клод Мазорик, бесспорно, человек XX столетия – ушедшего в прошлое «века героев», когда левые были по-настоящему левыми, а правые – правыми и перепутать их было невозможно, в отличие от нынешних. В самом же интервью К. Мазорик рассказывает о своей жизни, о тех выдающихся историках, с кем ему довелось работать, оценивает современное состояние французской и российской историографии Революции.

Ключевые слова: историография, Французская революция, К. Мазорик, А. Собуль, Ф. Фюре

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-396-424

Впервые имя Клода Мазорика я услышал еще в свою бытность студентом, в начале 1980-х гг. Однако уже в то время о нем говорили как о признанном мэтре «классической историографии» Французской революции. Такой статус, несмотря на относительно молодой тогда возраст историка, родившегося 1 сентября 1932 г., признавали за ним даже его оппоненты. Характерно, что свою знаменитую статью «Революционный катехизис»¹, оказавшуюся во

---

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ГАУГН, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

¹ Furet F. Le catéchisme révolutionnaire // Annales. 1971. № 2. P. 255-289. Позднее эта статья в расширенной версии вошла в нашумевшую книгу Ф. Фюре «Размышляя о Французской революции» (Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978), которую на русском языке издали под не совсем точным заглавием «Постижение Французской революции» (СПб., 1998).

многом программной для «критического» («ревизионистского») направления историографии Революции, лидер последнего Франсуа Фюре написал именно в опровержение книги К. Мазорика².

Лично же встретиться и познакомиться с К. Мазориком мне повезло уже после того, как я начал работать в Институте всеобщей истории АН СССР. Правда, первую нашу встречу едва ли можно назвать «счастливой».

В 1990 г. я выступил в дебатах на XVII Международном конгрессе исторических наук в Мадриде по одной из главных тем форума – «Революции и реформы: их влияние на историю общества», сказав, что безразмерно широкое употребление в историографии понятия «революция» позволяет использовать его для обозначения совершенно разных явлений, имевших между собою мало общего. «Революциями», к примеру, называют вооруженные выступления, вроде Славной революции 1688 г. в Англии или Июльской революции 1830 г. во Франции, которые имели целью лишь частичное усовершенствование существующего государственно-го строя и по своим результатам и значению фактически представляли собою реформы, являвшиеся естественным следствием предшествующего политического процесса. Однако точно так же «революциями» называют и те движения, что вели к радикальному слому прежнего социального устройства, которое революционные элиты более или менее осознанно предполагали заменить некой идеальной моделью общества, созданной умозрительным путем и нередко носившей черты утопии. Такие попытки целенаправленного вмешательства в естественный ход общественного развития можно видеть, например, во Франции 1793 г., в России 1917 г. или Китае 1949 г. Иными словами, понятие «революция» с его нынешней неопределенностью нуждается, как минимум, в серьезном уточнении.

Неожиданно для меня это пятиминутное выступление вызвало на конгрессе настоящий фурор. И моим коллегам по советской делегации, и их идейным союзникам из числа левых историков Запада, и особенно их оппонентам подобное проявление разномыслия в прежде монолитных рядах советских исследователей показалось чем-то из ряда вон выходящим. Когда я спустился с трибуны, академик Ю.Ю. Какх из тогда еще советской Эстонии даже

---

² Mazauric C. Sur la Révolution française, contributions à l'histoire de la révolution bourgeoise. P., 1970.

подскочил ко мне и заглянул в бейдж, дабы убедиться, что выступавший действительно из СССР. О тех идеологических смыслах, которые были приданы сказанному, можно судить по свободному переложению моей реплики с английского главой советской делегации академиком С.Л. Тихвинским в отчете о конгрессе:

«Выступая в ходе дискуссии, А.В. Чудинов предложил свою типологию революций, разделив их на органические (естественные) и неорганические (противоестественные). К первым он отнес мирные, ко вторым – насильственные революционные перевороты (Великая французская, Октябрьская 1917 г., революции 40-х годов в Восточной Европе); при последних, по мнению выступавшего, революционные партии навязывают народу свои идеи, что деформирует и сами революции, и процесс последующего за ними общественного развития. Такой подход к революциям, сводящийся к их делению на “хорошие” и “плохие”, был подвергнут критике выступавшими вслед за А.В. Чудиновым западными историками, упрекавшими советских исследователей в утрате ими в последнее время твердых теоретических ориентиров»³.

Среди «упрекавших» меня «в утрате ориентиров» особенно выделялся высокий француз средних лет с небольшой, уже начавшей сесть бородкой. Хорошо поставленным голосом он жестко, словно забивая каждой фразой по гвоздю, говорил о непреходящем мировом значении Октябрьской революции 1917 г., которое никому не следует забывать. Непререкаемым тоном своего выступления он напоминал скорее опытного митингового оратора, нежели университетского профессора. Так я впервые увидел Клода Мазорика.

В Москве я поделился впечатлениями о конгрессе со своим Учителем Г.С. Кучеренко, незадолго перед тем приехавшим из Парижа, где он несколько лет работал в ЮНЕСКО и часто встречался с французскими историками. Когда речь зашла о поразившей меня манере выступления Мазорика, Геннадий Семенович рассмеялся: «Чего удивляться? Клод – опытный политик!»

В самом деле, история и политика в жизни Клода Мазорика оказались неразрывно переплетены. Сын крестьянина, ставшего сначала рабочим на металлургическом заводе, а после тяжелого ранения в Первую мировую войну – чиновником на таможне, юный

³ Тихвинский С.Л. XVII Международный конгресс исторических наук в Мадриде // НиНИ. 1991. № 2. С. 6.

Мазорик не получил в детстве систематического образования, однако самостоятельно сумел наверстать упущенное благодаря активному и регулярному чтению. Две его старшие сестры в годы нацистской оккупации Франции играли видные роли в Сопротивлении. После войны одна из них помогла Клоду перебраться в Париж по окончании школы, где он поступил на подготовительные курсы Лицея Генриха IV, а затем в Сорбонну. Здесь судьба свела его с выдающимся историком Французской революции Альбером Собулем (1914–1982), ставшим его научным руководителем, что и определило траекторию дальнейшего жизненного пути Клода Мазорика.

Бесспорный лидер «классической историографии» Французской революции во второй половине XX в., Собуль был также влиятельным деятелем Французской коммунистической партии⁴. Мазорик стал верным сподвижником и последователем своего наставника как в науке, так и в политике. Работая в Руане, сначала в коллеже (1960–1965), затем в университете (1965–1996), он опубликовал за эти годы целый ряд трудов о Революции XVIII в., стал одной из наиболее влиятельных фигур в профессиональной корпорации ее исследователей и вошел, как ранее Собуль, в руководство Общества робеспьеристских исследований, Международной комиссии по истории Французской революции и журнала *Annales historiques de la Révolution française*. Не менее успешно его карьера развивалась и на политическом поприще. В 1970–1978 гг. К. Мазорик – член национального бюро, а в 1972–1973 гг. – генеральный секретарь профсоюза работников высшего образования Франции; в 1979–1987 гг. – член ЦК ФКП. Не удивительно, что с таким богатым политическим опытом он блестяще овладел ораторским искусством заправского трибуна, столь поразившим меня при первой нашей встрече, но более осведомленному Г.С. Кучеренко показавшимся вполне естественным для К. Мазорика.

Следующая наша встреча с «товарищем Клодом» также произошла в дыму идеологических баталий. Пять лет спустя, на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале, я руководил работой «круглого стола», посвященного теме «Утопии в истории». Хотя во вступительном докладе, опубликованном заранее вместе с другими материалами конгресса⁵, я

⁴ Подробнее см.: Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин // ФЕ 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина. М., 2002. С. 120-146.

⁵ Tchoudinov A. Utopias in History // 18th International Congress of Historical Sciences. Actes. Montreal, 1995. P. 487-489.

изложил примерно те же идеи о связи просветительского рационализма с широким распространением утопических проектов в XVIII в., которые не раз высказывал и до того, и после⁶, на сей раз я сделал это в преднамеренно заостренной полемической форме, чтобы спровоцировать дискуссию. Живая полемика – цель и украшение любого «круглого стола». Однако результат превзошел все ожидания. Обширный зал Дворца конгрессов был забит под завязку зрителями, добрая половина из которых с нетерпением ждала начала, чтобы ринуться в бой. После вводного слова ведущего и сообщений участников, заявленных в программе, настал черед свободной дискуссии. Вот тут всё и началось!

Североамериканские ультраконсерваторы, левые активисты из Латинской Америки, либеральные демократы и демократические либералы из Восточной Европы, коммунисты из Европы Западной, троцкисты опять же североамериканские... «Уланы с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами – все промелькнули перед нами, все побывали тут». Спорили все между собой до хрипоты о Французской и Октябрьской революциях, о религии и коммунизме, о нацизме и Просвещении, о Бабёфе и Ленине, о Руссо и Гитлере, о Сталине и Троцком... После перерыва, который я объявил, чтобы несколько охладить страсти, участники заседания, вернувшись в зал, заняли места уже согласно своим политическим пристрастиям – справа и слева от председателя в полном соответствии с канонами политической культуры, рожденной Французской революцией.

Надо ли говорить, что наиболее блестящим оратором «левой» вновь оказался Клод Мазорик. Правда, в какой-то момент выдержка изменила даже столь закаленному полемисту. Если наша с ним дискуссия шла еще о вполне научном сюжете: мэтр защищал Гракха Бабёфа, о котором когда-то написал свою первую книгу⁷, от обвинения в тоталитарных поползновениях, то на выступлении моей коллеги Т.А. Павловой опытный идеологический боец все же сломался. Один из лучших отечественных специалистов по истории Английской революции, Татьяна Александровна являлась в то же время глубоко верующим человеком и была вынуждена в советское время, по вполне понятным причинам, скрывать

⁶ См., например: Чудинов А.В. У истоков революционного утопизма. М., 1991; *Он же*. Утопии века Просвещения. М., 2000; 2-е изд. – 2017; *Tchoudinov A.V. Fantoms of Enlightenment // Eighteenth-Century Life. Williamsburg (Virginia)*. 1991. Vol. 15. № 3. P. 93-102.

⁷ *Mazauric C. Babeuf et la Conspiration pour l'égalité*. P., 1962.

свое мировоззрение. Столь долгое умолчание обернулось в постперестроечные годы тем, что религиозный дискурс, государственный запрет на использование которого остался в прошлом, стал то и дело проникать в ее даже сугубо научные тексты, придавая им отчасти публицистический оттенок и делая таким образом уязвимыми перед критикой коллег. В пылу разгоревшейся на «круглом столе» полемики, носившей откровенно мировоззренческий характер, проявлять щепетильность в нюансах и вовсе не приходилось. Услышав же от бывшей советской коллеги, что «Святая Русь всегда была окружена врагами, но неизменно справлялась с ними благодаря православной вере», Мазорик сначала опешил, а затем, не найдя, чем ответить на такой аргумент, в возмущении покинул зал. Напоследок он попытался сердито хлопнуть дверью, но тяжелая металлическая дверь Дворца конгрессов, вероятно, изначально рассчитанная на возможность подобных эскапад, лишь мягко затворилась за ним.

Поговорить же лично с мэтром в тот день, как и пятью годами ранее, мне не удалось, и, таким образом, все наше общение вновь свелось исключительно к публичной полемике. Каково же было мое удивление, когда день спустя на заседании Международной комиссии по истории Французской революции Клод Мазорик приветливо поздоровался со мной, будто мы и не расстались с ним днем ранее в чаду яростной дискуссии. Позднее, когда мне повезло узнать его гораздо лучше, я по достоинству оценил это замечательное качество его характера: сколь бы дружескими ни были ваши отношения, Клод Мазорик, если у него есть с вами идейные или политических разногласия, никогда не промолчит из ложно понимаемой деликатности, а выскажет в лицо всё, что считает нужным; однако он не переносит при этом подобные разногласия на ваши личные отношения.

В перерыве работы Комиссии мы уже дружески беседовали на интересующие нас обеих темы. Оказалось, что этот резкий в суждениях и жесткий в споре человек обладает огромным, поистине неисчерпаемым обаянием.

В дальнейшем, когда, участвуя в международных исследовательских проектах, я стал регулярно бывать во Франции, мне доводилось общаться с Клодом Мазориком в разных ситуациях, и всякий раз эти встречи оставляли самые теплые воспоминания. Может быть, потому что «товарищ Клод» чем-то похож на моего

деда. Приняв участие в Гражданской войне на стороне красных еще подростком и став одним из первых комсомольцев Севера, тот тоже в ранней юности избрал свой жизненный путь и не сворачивал с него до самого конца, храня верность революционным идеалам молодости даже тогда, когда окружающим они стали казаться неуместным анахронизмом. В данном отношении Клод Мазорик, бесспорно, человек XX в. – ушедшего в прошлое века героев. Тогда борьба за будущее Франции шла между могучими партиями, вышедшими из горнила Сопrotивления, – голлистами и коммунистами. Возглавляли тех и других великие политики и выдающиеся личности. «Левые» тогда были по-настоящему «левыми», а «правые» – «правыми», перепутать их было невозможно, в отличие от нынешнего туманно-болотного политического ландшафта Пятой республики, где одни от других разнятся лишь микроскопическими нюансами.

Разумеется, мои расхождения с Клодом Мазориком в понимании и оценках Французской революции никуда не делись, но с годами они, похоже, все больше отступают на второй план. Да и так ли они важны в наше время, когда находится всё меньше желающих заниматься этой темой как в России, так и во Франции? Круг посвященных неумолимо сужается, и разногласия уходят в прошлое вместе с людьми.

Увы, время неумолимо. Однако если все остальные люди – его рабы, то историки ему друзья: им по силам придержать его бег, сохранив в своих трудах образ уходящей эпохи. Всегда помня об этом, я в последние годы не раз просил Клода Мазорика поделиться с читателями «Французского ежегодника» своими размышлениями о жизни, истории, политике, Революции – обо всём, что он сочтет нужным и важным оставить в памяти других. Наконец, в декабре 2017 г., когда мы встретились в Клермон-Ферране на коллоквиуме, посвященном утопиям (опять!), он подарил мне свою недавно вышедшую книгу «На манжетах», чтобы я выбрал оттуда для перевода и публикации любой фрагмент, который найду интересным. Таковыми мне показались его ответы на вопросы французского историка Фредерика Бидуза в начале 2015 г.⁸

Предлагаемое далее вниманию читателей интервью Клода Мазорика носит комбинированный характер: оно включает в себя шесть его ответов на вопросы Ф. Бидуза и два на мои собственные.

⁸ *Mazauric C. Au bord du gouffre. P., 2016. P. 49-61.*

Интервью с Клодом Мазориком

Вопрос: Клод Мазорик, вы – почетный профессор новой истории Руанского университета. Исследователь революционного периода, вы являетесь бывшим учеником Альбера Собуля, которому посвятили книгу⁹. Вы работали, начиная с 1960-х гг. и вплоть до наших дней, в то же время, что и такие выдающиеся представители французской историографии Революции, как Мишель Вовель, Жак Годшо, Франсуа Фюре и многие другие. Как и когда произошла ваша встреча с Французской революцией?

Ответ: История Революции увлекла меня довольно рано – еще в мои студенческие годы, но не прежде того. Это произошло в период моих занятий на подготовительных курсах Лицея Генриха IV (1951–1952) при посещении тех прекрасно фундированных источниками, но в то же время теоретически насыщенных лекций, которые профессор Мишель Фурньель читал нам в своей обычной грубоватой манере, с невероятным ораторским талантом... Заметив мой интерес к теме и мое воодушевление, именно он предложил мне встретиться с Альбером Собулем, учителем в школе при нашем лицее, сказав: «Это – молодой преподаватель и великолепный исследователь, он далеко пойдет. Вы должны с ним встретиться», что я и не замедлил сделать. С той поры и начались мои отношения с Альбером Собулем, о чем я более подробно рассказал в продолжительных «Беседах с Жюльеном Лувье», увидевших свет в 2008 г.¹⁰ Добавлю в качестве комплимента, что я собирался заниматься философией, но именно этот курс лекций и эта встреча заставили меня оставить философию ради истории. Как видите, изучение истории Французской революции практически неотделимо от всей моей интеллектуальной биографии.

Вопрос: Франсуа Фюре пишет в самом начале книги «Размышляя о Французской революции» (1978): «Историк Французской революции <...> обязан заявить о своих политических пристрастиях. Первым делом нужно, чтобы он рассказал, с каких позиций выступает, что думает, что исследует...» Как вы понимали подобную принадлежность к определенной позиции в те времена и что вы думаете об этом теперь, почти сорок лет спустя? Является ли политическая ангажированность непременно движителем историка Французской революции?

⁹ Mazauric C. Albert Soboul (1914-1982), Un historien en son temps. [Narrosse], 2004.

¹⁰ См.: Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2008. № 104. P. 11-166.

Ответ: Я хорошо знаю работу Франсуа Фюре, откуда взята эта мысль, которую он – и я не раз от него ее слышал – сформулировал много раньше, еще в те далекие времена, когда мы с ним часто общались... Этим он тогда, в 1954–1960 гг., хотел показать, что наследие Революции – наследие идеологическое, разделяемое нами, но весьма противоречивое; институциональное, социальное, правовое, идейное; наконец, культурное в виде системы противопоставляемых друг другу символов – само по себе влияет на объяснение ее каждым из авторов и любым сообществом авторов, а в конечном счете, и на всю историографию в целом. Так происходило с окончанием самой Революции, которое, однако, не стало ее завершением, – и в 1800, и в 1815, и в 1830, и в 1871–1879 гг. и далее. Это – не просто важная констатация, но очень плодотворная идея, которую я и сам принял, использовал и развил в первой части своей книги «История Французской революции и марксистская мысль» (2009)¹¹. Кроме того, ту же идею, существенно переосмысленную в международном масштабе, я нахожу и в замечательном исследовании, которое недавно опубликовал Жан-Нума Дюканж¹².

Вернемся, однако, к Фюре. Исходя из указанного тезиса, он продлил историю «Революции» до того момента, когда ее эффект после окончательного утверждения Республики в 1877–1879 гг. полностью (по его мнению) исчерпал себя. Затем, продолжив движение в том же направлении, Франсуа Фюре применил данный тезис как инструмент полемики во фронтальной атаке против того, что Собуль назвал «классической историографией», живым олицетворением которой после Матеза стал Жорж Лефевр (1874–1959), формировавшийся под непосредственным влиянием Жореса, а затем и новых веяний в изучении экономической и социальной истории. Фюре тем самым бросал тень одновременно на университетский институт [истории Французской революции в Сорбонне. – А. Ч.], на Комиссию Жореса, учрежденную в 1903 г. Палатой депутатов, и поддерживаемую ею публикацию источников по социальной и экономической истории Революции, на Комитет исторических и научных работ (СТНС), стимулировавший исследования Ж. Годшо и многочисленных учеников К.-Э. Ла-

¹¹ *Mazauric C.* L'Histoire de la Révolution française et la pensée marxiste. P., 2009.

¹² *Ducange J.-N.* La Révolution française et l'histoire du monde: deux siècles de débats historiques et politiques, 1815-1991. P., 2014.

брусс. Создавая видимость бунтарства, он пытался при помощи этой бесславной уловки выглядеть, в соответствии с модными веяниями, сторонником, позволю себе так выразиться, «радикального обновления», восставшим против официального «консерватизма», который олицетворяли, конечно же, республиканские историки... Однако многие во Франции и за рубежом легко разглядели (охотно допускаю, что я был первым), что за этим фасадом, помимо доктрины Токвиля, скрывался старый консервативный либерализм, лишь сменивший внешность. Теоретически разработанный в «Группе Коппе»¹³ и имевший целью покончить с демократическими притязаниями, порожденными Французской революцией, этот идейный арсенал либерального оружия дальнего действия создавался в период Империи вплоть до самой Реставрации усилиями интеллектуалов, вдохновляемых Жерменой де Сталь и Бенжаменом Констаном. Слабо завуалированное новое обращение к этому наследию в сочетании с яростными идеологическими нападками на коммунизм, отвечавшими духу того времени, да еще усиленное характерной именно для Фюре нонконформистской фразеологией – всё это, помимо стремления отвлечь демонстративно конфронтационным настроением внимание от своих истинных намерений, выдавало тем не менее его безусловную приверженность к консервативному либерализму, который стал с тех пор для него окончательным кредо.

Вопрос: «Новая история Французской революции» (2012), которую написал Жан-Клеман Мартен¹⁴, это последний из больших обобщающих университетских трудов по данной теме. Подход автора, предполагающий учет разных ракурсов, разных масштабов, разных темпов политического процесса, разных способов исторического описания (*régimes d'historicité*), так же как и рассмотрение отдельных судеб многочисленных участников событий, приводит к безнадежно фаталистической картине истории Французской революции. Как вы относитесь к его работе?

Ответ: Я испытываю глубокое уважение и к многочисленным исследованиям о насилии, о контрреволюции (особенно на вандейском Западе), которые ранее опубликовал Жан-Клеман Мар-

¹³ «Группа Коппе» (Groupe Coppet) – неформальное объединение либеральных мыслителей (мадам де Сталь, Б. Констан, А.В. Шлегель, Ж. Сисмонди и др.), живших и творивших в Швейцарии в эпоху Наполеоновских войн.

¹⁴ *Martin J.-C. Nouvelle histoire de la Révolution française*. P., 2012. Анализ этой работы см. также: *Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания*. М., 2017. Гл. 11.

тен, и к его последним обобщающим трудам. Более того, я напечатал хвалебные отзывы на них в журнале *Annales historiques de la Révolution française* и отметил их важность в своей статье для сборника, который вскоре должен быть выпущен в его честь. Коснусь вопроса о способах историописания, хотя методологически он несколько выходит за рамки того, о чем вы спросили. Впрочем, сделаю это только для того, чтобы заметить: сам Ж.-К. Мартен как раз никогда себе не позволяет выходить за рамки модных формулировок, что, конечно же, похвально, но несколько компрометирует эвристическую оригинальность его трудов, которые заслуживают лучшего. Собственно же на ваш вопрос отвечаю, что не считаю ту историю, которую он рассказывает, «безнадежной», если не видеть в ней пассивно осуществляемую теодицею или, напротив, неотвратимое божественное наказание грешному человечеству, как полагал не без горькой прозорливости великий савояр Жозеф де Местр (кстати, я тоже савояр по материнской линии). Огромное достоинство Мартена в том, что он всё вписывает в «контекст»... нет, скорее в определенные структурные или хронологические «конфигурации» – всё: и события, и те социальные и культурные практики, что сопутствовали действиям революционеров и контрреволюционеров и даже направляли их. Это позволяет увидеть, что, в конечном счете, именно благодаря Французской революции, оцениваемой, как он часто пишет, в системе координат своего времени, смертоносное атактистическое насилие исчезает, и политическое соперничество превращается, по крайней мере теоретически, в констатацию разногласий и поиск консенсуса, в состязание репрезентаций и дискурсов, в вербальное и концептуальное противоборство, в разрешение споров и достижение компромиссов, одним словом, принимает наиболее оптимальную форму для человека, живущего в обществе, – для современного человека, признающего демократический принцип реализации суверенитета, пришедший на смену дикости абсолютистских отношений в политике и обожествлению страсти к владычеству, с попытками возвращения к которым мы не перестаем сталкиваться. Не это ли является наивысшим из бесчисленных достижений революции, начавшейся в 1789 г. и продолжающей одерживать, по крайней мере в данном отношении, всё новые победы во всемирном масштабе?

Вопрос: Во время и после двухсотлетнего юбилея Французской революции не только либеральная историография попыталась по-

теснить марксистскую, несмотря на все ваши усилия по обновлению таковой, но и весьма энергичная и противоречивая историография, враждебная Революции в целом. Как относитесь вы к Рейнальду Сеше, который в течение тридцати лет добивается признания резни в Вандее геноцидом¹⁵, к некоему Ксавье Мартену, предложившему заостренно критический взгляд на революционеров и на их антирелигиозную политику¹⁶, и к остальным историкам, совместно выпустившим в 2008 г. под руководством Рено Эсканда знаменитую «Черную книгу Французской революции»¹⁷?

Ответ: Повторю то, что уже когда-то говорил. Не существует никакой «марксистской историографии», разве только в воображении тех, кто робок умом и кому догма служит гарантией истины, или, напротив, тех, кто желал бы искусственно создать таковую, чтобы легче было бороться с ее случайными соблазнами и предостерегать здравомыслящих людей от приближения к ней. Я высказал эту мысль еще в 1968 г. (как летит время!) в статье «Марксистская концепция истории», написанной для первого издания «Универсальной энциклопедии»¹⁸. Может быть, не существует даже и «марксизма» в виде самодостаточной законченной доктрины. Недавно я и Жан-Нума Дюканж вновь подтвердили это в статье «Марксизм и история», которую нам для «Словаря историка» заказали Клод Говард и Жан-Франсуа Сиринелли¹⁹. А вот «марксистская мысль» (*pensée-Marx*), напротив, существует и обладает большим потенциалом познания и объяснения общества. Однако она состоит, прежде всего, в критическом взгляде на мир и общество, вдохновляемом материалистическим в своей основе подходом, который предлагал Маркс или, по крайней мере, те, кто принадлежал к данному течению и искал конкретные проявления диалектики развития во всех исторических процессах. Та своего рода, как я ее часто определяю, «идеологическая контрре-

¹⁵ *Secher R.* Le Génocide franco-français: la Vendée-Vengé. P., 1986; *Idem.* Vendée, du génocide au mémoricide: mécanique d'un crime légal contre l'humanité. P., 2011.

¹⁶ *Martin X.* Nature humaine et Révolution française: du siècle des Lumières au Code Napoléon. Bouère, 1994; 3e éd. Poitiers, 2015.

¹⁷ *Le Livre noir de la Révolution française / Sous la direction de Renaud Escande.* P., 2008. В данном издании, помимо упомянутых выше Р. Сеше и Кс. Мартена, приняли участие такие известные французские историки, как Э. Леруа Ладюри, Ж.-К. Птифис, Ж. Тюлар, П. Шоню и др.

¹⁸ *Encyclopaedia universalis.* Vol. 8. P., 1968. P. 438.

¹⁹ *Dictionnaire de l'historien / Sous la direction de Claude Gauvard et Jean-François Sirinelli.* P., 2015.

волюция», что сопровождала самоликвидацию социалистических обществ советского типа с 1970 по 2000 гг., скомпрометировала все более утверждавшееся в 1960-е гг. по всему миру подобное восприятие марксистской мысли, распространение которой казалось неуправляемым. Однако скомпрометировав, этот процесс ее не уничтожил и не извратил. После того, как она оставалась оклеветанной, по крайней мере до 2000-х гг., у нее начался новый подъем, особенно во многих университетах Европы и Северной Америки. Впрочем, времена с тех пор изменились: «марксизма» как догмы больше нет, и это очень хорошо. Сегодня, полтора века спустя, Маркса больше не осмысливают исходя только из его работ. Не пугаясь объема всего того «марксистского», что было написано после 1883 г., люди сегодня не стесняются с пользой для себя перечитывать, помимо корпуса сочинений собственно Маркса и Энгельса, также и все те великие тексты, что были созданы под их влиянием, заново открывая для себя концепции, сформировавшиеся в рамках данного направления.

Что касается Сеше и его идеи так называемого «франко-французского геноцида», которая представляет собою безумную фантазмагорию и не поддерживается ни одним серьезным историком, то ранее мне уже приходилось говорить о том, что я о ней думаю, поэтому не хочу опять возвращаться к данному сюжету.

Конечно, я хорошо знаю «Черную книгу», публицистический запал которой очевиден и, кроме того, откровенно признается. Подтверждается он и той поддержкой со стороны весьма тенденциозного антиреволюционного дискурса, которую еще на предварительной стадии получила эта работа, таким вот образом и появившаяся на свет. Знаю также, что некоторые из ее участников оказались не слишком горды тем, что там фигурируют, и добровольно от этого отказались, когда образовалась та мешанина авторов, к которой самым очевидным образом привело данное издание. Я уже обращал внимание на то, что в ходе этого, идущего страница за страницей ретроспективного судебного процесса над Революцией опять всплыли некоторые тезисы контрреволюционной мысли, которые были впервые высказаны еще в революционный период, затем, после 1815 г., воспроизведены консервативной историографией эпохи Реставрации и, наконец, вновь вернулись в оригинальной форме уже на исходе XIX в., после окончательной победы республиканцев, заставлявшей обновить дискурс, чтобы

адаптировать к новым условиям идеологию, содержащуюся в контрреволюционной вульгате. Эти все еще представляющие интерес тезисы (или темы) были восприняты и переформулированы *mezzo voce* Пьером Гаксотом в его учебном пособии, выдержавшем многочисленные переиздания, включая так называемое «университетское», вышедшее в 1970-е гг. под редакцией Жана Тюлара²⁰. Взятая на вооружение и усердно повторяемая в «Черной книге» идея состоит в том, что достигнутый в ходе революции прогресс носил иллюзорный характер. Это утверждение имплицитно заимствовано из трудов де Местра и Бональда (если говорить о французских мыслителях), но также почерпнуто у Бёрка и англосаксонской традиции. «Иллюзорный», но в чем? Рассмотрим это. Революция была «народной»? Нет, согласно указанным мыслителям, революция была сугубо буржуазной; она, прикрываясь абстракциями универсальных понятий, на деле лишь усиливала фактическое неравенство и разрушала то, что служило естественной защитой для самых бедных, особенно семейные связи, поскольку всё это было частью порядка, освященного Божественным Откровением и из него проистекавшего. Политическая и социальная демократия? Под прикрытием пустых слов были установлены представительство капиталов и власть, превратившая общество в настоящие джунгли, что узаконено государственными институтами и беспощадным позитивным правом. Ко всему этому добавляется пронизанный отчаянием и вызывающий отчаяние дискурс, вдохновленный знаменитым образом Сатурна, пожирающего своих детей. Таким вот образом, через характерную для интегризма²¹ антропологию, описываются и объясняются ожесточенные политические и классовые столкновения, направлявшие или сопровождавшие ход Революции до 18 брюмера. Почему такое определение «пронизанный отчаянием и вызывающий отчаяние» подходит для данного проекта? Если что-то при нынешнем состоянии мира, Европы и, в частности, Франции может дать контрреволюционной мысли вчерашнего дня, трижды потерпевшей историческое поражение, шанс на восстановление своих позиций, так только воплощение ее в форме крайне правого, этно-расист-

²⁰ Gaxotte P. La Révolution française / Nouvelle éd. revue, établie avec la collaboration de Jean Tulard. P., 1975 ; 23e éd. – P., 2014.

²¹ Интегризм – крайне консервативное направление в современной общественной мысли, враждебное модернизму в религиозной сфере, либерализму – в социально-политической.

ского национализма, вдохновляемого религией, – популистского по форме, но ретроградного по идеологической сути. В таком облике она оказалась бы близка к привычным и основополагающим постулатам французской крайне правой традиции или к постулатам французских движений фашистского типа в канун Второй мировой войны. И по своей форме, и по своему содержанию это издание свидетельствует о призрачном характере тех претензий на ее возрождение, что были главной движущей силой проекта «Черной книги»! Тем не менее выделю среди других интересных исследований ее авторов работы Ксавье Мартена, которые, хотя и несут в себе конфронтационный заряд, но являются собою результат внимательного прочтения автором корпуса трудов по политической философии, появившихся в век Просвещения. Мне также всегда казался чрезвычайно тонким, хотя и вдохновленным контрреволюционными предрассудками, его анализ буржуазного (и даже капиталистического) содержания великих правовых инноваций Директории, а затем Консулата. В 1988 г. я пригласил Ксавье Мартена на международный коллоквиум, который мы проводили в Руанском университете к 200-летию Революции²². С тех пор мы несколько раз обменивались с Ксавье Мартемом текстами и сообщениями, и его работы мне очень помогли при выступлении от лица «крайне левых» в дебатах о Французской революции как «буржуазной» по ее доминирующей интенции и дальнейшим последствиям.

Вопрос: Многие революционеры различных направлений были готовы, порою без малейшего сожаления, умереть за идеал, и эта жертвенность часто выражалась в их сочинениях, воспоминаниях или письмах. Служит ли Гракх Бабёф (1760–1797), которому вы посвятили свои первые работы и которого в действительности никогда не покидали, примером запоздалой жертвы, ибо речь идет о человеке, восставшем против республиканцев Директории? Каково его место в череде трагических судеб большинства деятелей Революции?

Ответ: Выскажусь кратко по данному сюжету, поскольку уже много о нем говорил. Я разделяю концепцию Жореса, существенно переосмысленную Хобсбаумом, согласно которой, главная оригинальность Французской революции состоит в том, что она была

²² См.: La Révolution française et les processus de socialisation de l'homme moderne: colloque international de Rouen, 13, 14, 15 octobre 1988. P., 1989.

революцией широких слоев буржуазии и народа, а не носила узко патрицианский, элитарный и консервативный характер. Когда исследуешь ее в подобном ракурсе, в ней можно увидеть разнонаправленные устремления, обнаружить коллективные страсти и социальные требования, которые до того сдерживались, осмысливались не в полной мере или даже еще просто не были сформулированы. Крестьяне различных статусов и другие сельские жители, городские ремесленники и лавочники, лица наемного труда и «рабочие» высказывали свою позицию и по мере возможностей участвовали в дебатах о тех великих целях, за которые боролась *Нация* в целом, прежде всего в войне против монархической Европы. Конечно, они делали это отнюдь не на равных с буржуазными или патрицианскими элитами, но часто выступали в качестве решающей силы, сначала в 1789, затем – в 1792/1793 гг. Они также преследовали и свои *автономные* интересы. Жорж Лефевр дал теоретическое осмысление этому феномену, который ранее обнаружили и описали другие историки. Именно таковой был замечен Минье, написавшим еще в 1824 г., что Директория «дала отставку черни»; бесспорно, его видел Мишле, но также и Тэн, которого бесила вся эта спонтанная активность, ну и, конечно, Бальзак, Виктор Гюго, поэты (Рембо), романисты... Бабёф был одним из выразителей требований народа. Выйдя в свое время из самой его толщи, он стал с 1789 г. «борцом за народное дело» (позволю себе такой анахронизм), а после Термидора взбунтовался против свертывания буржуазией и патрициатом революционного и республиканского движения. Интеллектуально сформировавшись под влиянием находившейся на подъеме после 1750 г. социально-утопической мысли Просвещения, Бабёф стал связующим звеном между принадлежавшей народу частью революционного наследия 1789–1795 гг., на долю в котором он и сам претендовал, и возникшими тогда мессианскими упованиями на социальное освобождение, которые и привели позднее к появлению во Франции XIX–XX вв. социалистического и коммунистического движения. Его мученичество и опубликованный великим Буонарроти в 1828 г. рассказ о «заговоре равных» придали этой истории необходимые страсть, эмоции и веру, без которых весь проект остался бы сугубо идеологическим продуктом. Многие историки в последнее время обращаются к изучению этой саги о полном случайностей происхождении социалистической и коммунистической мысли наших

дней. Подобная активность, несомненно, внесет свою лепту в размышления о влиянии Французской революции на формирование современного нам общества.

Вопрос: Каковы ваши нынешние планы?

Ответ 2015 г.: В моем возрасте те планы, составить которые я еще способен, носят форму предположительных гипотез, и я принимаю это с тем смирением, что приличествует потомку севеннского гугенота. Мой интерес к миру заставляет меня постоянно читать о политике, о теориях, иногда о чем-то необычном, чем я упорно и занимаюсь сначала утром, затем вечером. С недавнего времени я фиксирую в своем еженедельнике лучшее или наиболее полезное из прочитанного. Я, конечно, стараюсь быть в курсе современных историографических дискуссий о Революции, дебатов и полемики, в которых и сам принимал участие в 1960–1990-х гг. Но я слежу и за теми концептуальными изменениями большого масштаба, которые постоянно меняют границы поля исследований в истории и, еще шире, в общественных науках в целом. Я до такой степени не умею одновременно писать и читать, что всегда считал себя скорее профессором, нежели литератором, а потому обычно решаюсь взяться за написание какой-либо работы, только если проект позволяет мне выступить полезным первопроходцем (*passeur*): тогда я занимаюсь изысканиями, хожу в архивы, пополняю знания, расширяю поле исследования, пока, наконец, как говорят ученики архитекторов, не впрягаюсь (*monter en charrette*), чтобы писать уже безостановочно! Именно так я с большой срочностью и волнением работал над книгой, получившейся из случайной лекции в деревне и названной «Судьбы: четыре фронтовика из Коллорга в Великой войне, 1914–1918»²³. Это – подробный рассказ о войне, через которую прошли мой отец и три его брата. Все четверо чудом выжили в том пекле, но война оставила в каждом свой особый след.

Таким образом, я не отказываюсь ни от чего, хотя и знаю, что, если компьютер в моей голове, мой главный инструмент, похоже, в неплохом состоянии, то мотор и кузов, которые его транспортируют, уже отмечены следами непоправимого износа. Я мыслю (все еще!), а значит, я существуют: прочее воистину мелочи²⁴.

²³ *Mazauric C.* Destins: quatre poilus originaires de Collorgues dans la Grande guerre, 1914-1918. Nîmes, 2014.

²⁴ Здесь заканчиваются ответы К. Мазорика на вопросы Ф. Бидуза. Далее К. Мазорик отвечает на вопросы А.В. Чудинова.

Ответ 2018 г.: В настоящий момент, в январе 2018 г., я не занимаюсь никаким проектом, кроме того, что продолжаю внимательно наблюдать за текущими событиями в историографии и политике, как делал это более полувека. Однако меня очень беспокоит ощущение того, что в своем ближайшем будущем человечество отнюдь не гарантировано от риска всеобщей ядерной войны и что безответственность лидера одной из великих держав может повлечь за собой неуправляемую эскалацию событий, которые приведут к апокалипсису в целом мире. Да и помимо военного конфликта, катастрофа может произойти из-за разрушения экосистемы или из-за слишком быстрых изменений в климате и окружающей среде. Является ли человечество хозяином собственной судьбы? Вместе с тем я так же отчетливо вижу, что никогда люди еще не создавали столько культурных ценностей подобного качества и масштаба... Порою это вселяет в меня надежду. Может быть, конечно, это следствие моего возраста, а может, напротив, его противоположности – юношеского интереса, который продолжает жить!

Вопрос: Хорошо известно о ваших добрых отношениях с советскими историками, о которых вы написали много прекрасных слов²⁵. Однако советская историография осталась в прошлом, и теперь новое поколение российских историков успешно сотрудничает с Обществом робеспьеристских исследований. В рамках этого сотрудничества в последние годы были опубликованы два сборника статей²⁶ и два совместно подготовленных специализированных выпуска журнала *Annales historiques de la Révolution française*²⁷. Каковы ваши впечатления об этой «новой русской школе» изучения Французской революции²⁸, появившейся в результате прошедшей в нашей историографии «смены вех»²⁹? Чем, по вашему мнению, она отличается от советской школы и в чем их сходство?

²⁵ Мазорик К. Мои встречи с советскими историками Французской революции в 1962-1992 гг. // ФЕ 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е - 80-е годы XX в. М., 2007. С. 287-298.

²⁶ Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. Étude révolutionnaires / Sous dir. de V. Smirnov. P., 2003 ; Écrire l'histoire par temps de guerre froide : Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime / Sous dir. S. Aberdam et A. Tchoudinov. P., 2014.

²⁷ L'image de l'ennemi à l'époque des guerres napoléoniennes / AHRF. 2012. № 4 (369); La Révolution comme modèle et comme miroir (URSS, Chine, Japon) / AHRF. 2017. № 1 (387).

²⁸ Подробнее см.: Чудинов А.В. «Новая русская школа» в историографии Французской революции: ad fontes! // Universitas historiae. Сб. ст. в честь П.Ю. Уварова. М., 2016. С. 523-532.

²⁹ См.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ 2000. 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: итоги юбилея. М., 2000. С. 5-23.

Ответ: В вашем вопросе содержатся несколько вопросов, по меньшей мере два, поэтому позвольте мне их разделить.

Прежде всего, я очень рад тому, что после 1991 г. установились хорошие двусторонние отношения между Обществом робеспьеристских исследований (ОРИ) и «новым поколением российских историков», как вы его назвали. Это является продолжением в новой международной ситуации тех взаимных связей, что после Второй мировой войны были налажены, несмотря на ужасное влияние войны «холодной», между ведущими деятелями ОРИ и, соответственно, журнала *Annales historiques de la Révolution française*, то есть рядом университетских историков Франции и советскими историками, в основном российскими, как из Института истории Академии наук, так и из университетов, к примеру МГУ, да и не только с ними, как вы знаете лучше, чем кто-либо другой.

На протяжении XX в. можно выделить несколько благоприятных моментов, когда возникали особенно тесные связи между французскими и российскими историками Французской революции. Так, период с 1900 по 1917 гг. стал временем их активного взаимодействия и взаимного восхищения. Французская сторона была представлена университетской историографией Революции, в которой доминировали республиканские историки – радикал-социалисты, как Альфонс Олар, или социалисты, как Альбер Матьез, признававшие важное значение работы Жана Жореса «Социалистическая история Французской революции». Российскую сторону представляли историки-франкофилы, либералы или социалисты, как Кареев и Лучицкий, или даже анархисты, как Кропоткин, а также другие столь же известные фигуры, как, например, либерал Милюков. Кроме того, существование политического союза Антанты и тесных торговых и финансовых связей между Империей и Республикой также очевидно благоприятствовало расширению подобных, строившихся на взаимном восхищении контактов, которые стали возможны также благодаря появлению международных почты и телеграфа и укреплялись, несмотря на противодействие этому сотрудничеству в обеих странах со стороны консервативных националистов и «абсолютистов».

Известно, до какой степени сравнение хронологических циклов обеих революций, французской и российской, приобрело после 1917 г. жгучую актуальность для политики, потом для историографии, а в более широком плане – и для понимания того, что

следует считать «революцией». Предполагаемое морфологическое сходство процесса развития Французской революции с 1788 по 1800 гг. (и даже до 1815 г.!) с перипетиями, поворотами и последовательными ускорениями Российской революции с момента свержения царизма и до сталинского поворота 1927–1931 гг., включая захват власти большевиками в конце 1917 – начале 1918 г. и Гражданскую войну вкупе с иностранной интервенцией, вызвали к жизни бесчисленное множество сравнительных «изысканий» со всевозможными прогнозами и объяснениями. Обо всем этом сегодня имеются прекрасные работы: Тамара Кондратьева написала о российской и советской стороне вопроса, Янник Боск, Флоранс Готье и другие осветили с точки зрения «революционной» традиции Франции позицию Альбера Матьеа и остальных «левых» французских историков³⁰. Однако начавшееся с 1930 г. явное и общее снижение во Франции среди левых республиканцев социал-демократического толка симпатий к Российской революции привело к тому, что лишь коммунисты и сочувствующие им продолжали проявлять хоть какой-то минимальный интерес к советской историографии, в которой быстро возобладал догматизм сталинского типа.

Совершенно иной оказалась ситуация после Второй мировой войны. Несмотря на начавшуюся в 1946–1947 гг. «холодную войну», во Франции продолжали жить сильные симпатии к СССР, благодаря его решающей роли в разгроме гитлеровского Рейха и фашизма в целом. Начиная с 1950 г., под влиянием Жоржа Лефевра вопрос отношений с советскими историками быстро приобретает крайне важное значение. Нужно ли напоминать, что Жорж Лефевр (я имел честь дважды беседовать с ним в годы моей студенческой юности!), симпатизировавший до 1940 г. французскому реформистскому социализму, после 1941 г. оказался настроен весьма просоветски из-за своей ненависти к фашизму. Лефевр всегда помнил, что нацистский трибунал осудил на смерть его брата, обезглавленного в Германии за участие в сопротивлении оккупации Франции, и всегда обращал внимание собеседников на «позитивную роль» Советского Союза как гаранта сохранения мира и союзника народов, боровшихся против «империализма» и «колониализма». Однако не один только Лефевр заботился о том, чтобы вновь завя-

---

³⁰ Кондратьева Т. Большевики – яковинцы и призрак термидора. М., 1993; Bosc Y., Florence Gauthier F. Introduction // Mathiez A. Révolution russe et Révolution française. P., 2017.

зять отношения с советскими историками. Его непосредственные преемники во главе ОРИ – Камил-Эрнст Лабрусс, в душе социалист и поклонник Жореса, Жак Годшо (которому, однако, пришлось покинуть этот пост из-за своих связей с американскими историками), Марсель Рейнар, чья приверженность христианской демократии была широко известна, – мудро продолжали тот же курс после Международного конгресса исторических наук в Риме (1955). Однако наибольшую активность в сфере налаживания отношений между французскими и советскими историками вслед за ними проявил Альбер Собуль после 1956 г. Параллельно им целая плеяда французских историков различных направлений, причем не только специалистов по Французской революции (Тапье, читавший и говоривший по-русски, Мунье, Мандру, Порталь и др.), работала над установлением новых, еще более широких контактов, особенно активизировавшихся и углубившихся после 1965 г., с советскими историками и их официальными институтами. Эти связи стали в последнее предметом интересных изысканий и солидных исследований, о которых вспоминали на недавних коллоквиумах по соответствующей тематике и в коллективных трудах, о чем вы прекрасно знаете, поскольку являетесь одним из инициаторов таковых. Я же на этих коллоквиумах и в этих трудах рассказывал о том, что мне довелось сделать в данном отношении на постах, занимаемых мною с 1965 по 1991 г.

Нынешние контакты между российскими и французскими историками умножились, диверсифицировались и после 1991 г. значительно обновились в том, что касается концептуальных и методологических подходов. Я очень рад, что ОРИ, основанное в 1907 г., получившее в 1935 г. от Французской республики статус «общественно полезного института», а недавно подтвердившее его (я входил в состав его коллективного руководства, когда такое решение было принято), смогло сохранить и расширить свои связи с российскими историками нового поколения. Но я хочу также напомнить, что, хотя это общество включает в себя эрудитов и исследователей разных взглядов и из разных исследовательских центров, будучи открыто к всевозможным дебатам и различным идейным построениям, оно все же является таким интеллектуальным объединением («*société de pensée*»), которое хранит верность тем идеалам, что породили его на свет. Оно было основано по инициативе Матьеа уже более века тому назад для того, чтобы

боротся против невежества, в котором французский народ пре- бывал относительно роли Максимилиана Робеспьера и якобин- цев в достижении победы принципов Французской революции, а с другой стороны – для того, чтобы участвовать в бескомпромис- сной защите этих демократических и республиканских принципов, унаследованных от соответствующего движения периода Револю- ции 1789–1795 гг. Это относится ко всем тем сменяющим друг друга политическим конфигурациям, которые знает наша хаотич- ная история, – иногда довольно противоречивым в том, что каса- ется верности этим принципам, как, например, было в 1851–1871 или 1940–1944 гг. Таким образом, ОРИ может превратиться и в объединение бунтовщиков (*société rebelle*), что и сделает, если со- четет необходимым, не забывайте об этом!

Рассмотрим теперь ваш вопрос относительно новых «вех», ко- торых придерживается нынешняя российская школа историогра- фии. Используемое вами выражение «смена вех» заставляет меня задуматься. Как вы знаете, среди того, о чем я всегда очень жалел в своей жизни, которая скоро закончится, было незнание русского языка, как, впрочем, и незнание немецкого, и неумение играть на музыкальных инструментах. Эти недостатки, столь часто встре- чающиеся среди французов моего поколения и моего социально- го происхождения, оставили в моей жизни существенные лакуны, заполнить которые, по крайней мере на мой взгляд, не позволяют ни переводы, ни краткие резюме, ни воображение. Несмотря на это, я всегда пытался постичь русскую культуру всеми доступны- ми мне способами – чтением и знакомством с произведениями ис- кусства (кино, музыкой, живописью и скульптурой). Русские пи- сатели всегда вызывали у меня сильные чувства, восторженные или отрицательные. Причем это относится не только к классикам XIX или XX вв., не только, например, к Толстому, которого я чи- таю и перечитываю, но и к большинству авторов вообще, включая самых новых, советских и несветских, чьи сочинения были пере- ведены на французский язык, что позволило мне с ними познако- миться и обращаться к ним вновь и вновь.

Если словосочетание «смена вех» и помимо вашей очень важ- ной статьи³¹ вызвало у меня вопросы, то лишь потому, что память

---

³¹ Tchoudinov A. La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons» // Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme / Étude révolutionnaires. № 5. P. 2003. P. 43-56.

подказала моему критическому разуму, что относительно недавно в России уже использовали такую формулировку. Это было в 1920-е гг. Когда стало очевидно, что контрреволюция терпит поражение перед мощью партии большевиков, которая вышла победительницей из Гражданской войны, поддерживавшейся и даже направлявшейся западными державами, часть русских литераторов и интеллектуалов, включая находившихся в эмиграции, а именно в Германии, где речь шла о круге Алексея Толстого, почувствовала необходимость объединиться в течение, названное «сменой вех», с целью показать, что не отделяет себя от своей родины России. Для этого в Берлине даже была учреждена газета «Накануне». Многие изгнанники вернулись в Москву или в Ленинград, и в январе 1924 г. был дан прием, где чествовали уже находившихся в России (включая великого, неподражаемого Булгакова) и вернувшихся эмигрантов, признавших новую власть. Определенный реализм или скорее обычный политический прагматизм, который побудил и Ленина взять курс на НЭП, подсказал им, что лучше не связывать свое будущее с белой эмиграцией и не компрометировать себя близостью к ней. Я вижу в этом не столько заурядный оппортунизм, сколько результат глубокого осознания необратимых реалий менявшегося после Первой мировой войны мира.

Имеет ли «смена вех», о которой мы говорим сегодня, то же происхождение? Бесспорно нет, насколько я могу судить по статьям ранее упомянутого сборника, предисловие к которому сделал мой друг Владислав Смирнов, и особенно коллективного труда «Занимаясь историей в “холодную войну”», для которого вы и Абердам написали два основных текста³². Не вдаваясь в детали, напомним, однако, некоторые обстоятельства, которые прояснят предлагаемый далее анализ: 1) Исчезновение СССР, на смену которому пришла Российская Федерация, включившая в себя большую часть пространства, ныне поделенного между рядом независимых государств; 2) введение рыночной экономики капиталистического типа вместо прежней системы «социалистического планирования» или, как считали некоторые, системы «государственного капитализма», существовавшей, в любом случае, с 1930 г.; 3) замена закрепленной в законе монополии КПСС на власть и ее производных представительной и президентской системой правления. Исчезновение официальной идеологии («диамата» или «марксизма-лени-

³² См. сноску 26.

низма») практически немедленно привело к утверждению в культурной и интеллектуальной жизни России обычных форм циркуляции идей, характерных для политических систем, называемых (иногда с негативным оттенком) «либеральными».

Из этих обстоятельств со всей очевидностью вытекают те следствия, которые можно наблюдать воочию, в частности (что меня здесь собственно интересует) новый подход большинства российских историков к трактовке историографии Французской революции. Если они и не отрицают «универсальный» характер «Декларации прав человека и гражданина», которая неотъемлема от «революции во Франции», как писал Бёрк, то пророческого послания и новой основы для цивилизации они в ней больше не видят. Не считают необходимым они также вспоминать об активности народного движения и о структурных преобразованиях, которые ранее находились на первом плане в работах советских историков. Знакомство с указанными сборниками показывает, что российские историки предпочитают заниматься судьбами «элит»; разнообразием политических позиций выходцев из бывшего дворянства; многочисленными проектами реформирования «представительного» государства и т.д. Подобный разворот показывает, что они превозносят, как прекрасно написала Тамара Кондратьева, исследовательница русского происхождения, сделавшая блестящую карьеру во Франции, «путь Термидора», который в некотором роде «обеспечивает сегодня преемственность между Российской империей и Российской Федерацией. Сталин считается эффективным менеджером, тогда как Ленин считается утопистом-разрушителем. Не говоря уже о страхе перед коммунизмом, заслугу революции 1917 г. видят даже не в борьбе за социальную справедливость, свободу и равенство, а в выдвижении “глобального цивилизационного проекта”»³³.

Никто в мире из историков и в целом специалистов по общественным и гуманитарным наукам не станет сожалеть об исчезновении старой мишуры «диамата» и его производных – этого догматического собрания идей, скорее дедуктивных, нежели концептуальных, скорее спекулятивных, нежели научных, которые с годами превратились в более или менее академическую пародию на тот критический, аналитический и прогностический подход, который Маркс принес в философию и методологию обществен-

³³ Kondratieva T. 1789 versus 1917 ? // L'incorruptible (Arras). 2017. № 102. P. 2.

ных наук. Однако многие видят в той эволюции современной российской историографии, что осуществляется в основном новым поколением историков, имплицитный переход на идеологические позиции нео- и ордолиберализма более или менее «фюретистского» типа, который так или иначе доминирует если и не в университетском, то в политическом и культурном пространстве западных государств.

Пересматривая критическим взором появившиеся в советскую эпоху исследования о Французской революции и по истории Франции в целом, которые мне довелось узнать и внимательно изучить, работы тех, кого уже нет – Тарле, Поршнева, Желубовской, Гуревича, Кучеренко, Потемкина, Манфреда, Ревуненкова, Далина, Нарочницкого, Адо и др., и тех, более молодых, кто еще жив и работает, я не уверен, что они находились под жестким контролем идеологических органов, как это порою считается во Франции и в других странах, включая даже Россию. По форме, в посвящениях, посредством редакторских клише, использованием канонической и легализованной системы координат они демонстрировали, скажем так, свою благонадежность. Однако их многогранный анализ материала, свидетельствующий о большой работе с источниками и научной литературой, определяет исключительно научный характер их трудов, выполненных на высшем уровне. Им часто доводилось быть объектом враждебных интриг «академического» типа, чреватых, однако, более опасными последствиями, интриг, затеянных их амбициозными, завистливыми или обойденными коллегами, питавшими к ним вражду, так же как это происходит и у нас и, несомненно, повсюду, неся угрозу карьере и даже жизни тех, кто становится жертвой подобных действий. Характерный пример этого – ситуация с Борисом Поршневым, о которой можно узнать из прекрасной статьи Зинаиды Чеканцевой³⁴. Известно и то, как с 1928 по 1938 г. весьма авторитетные и активные представители советской историографии 20–30-х гг. становились жертвами сталинских репрессий после того, как сами прибегали к репрессивной власти контрольных органов, чтобы заставить замолчать своих оппонентов из числа предшественников или современников. Среди последних в 1930 г. оказался Тарле, к огромному возмущению Альбера

³⁴ Tchekantseva Z. La réception de Boris Porchnev en France et en URSS // *Écrire histoire...* P. 69-79.

Матьеза. Речь здесь отнюдь не об историографических или методологических разногласиях между специалистами, а о системе государственного насилия, которое было порождено Гражданской войной и которому был придан институциональный характер советской властью, многие из творцов каковой сами стали его сакральными жертвами!

Мой ответ на ваш последний вопрос будет краток: «Смена веков»? – Почему бы и нет, если позаботиться о том, чтобы эта облочка не стала прикрытием для отказа от главного. Первые историки «революционной России», сформировавшиеся в русле предшествующей традиции, такие как Тарле, Косминский или Кареев, старались и весьма, на мой взгляд, преуспели в том, чтобы сохранить в советский период всё ценное, имевшееся в российской историографии имперского периода. И я от всего сердца, полного восхищения Россией и ее культурой, я, свободный гражданин Франции, всегда помнящий о том, чем мы обязаны героизму и немислимым жертвам народов СССР, победивших в 1945 г. омерзительное чудовище нацизма, желаю вам избежать неблагодарности в отношении к прошлому. Мы не можем согласиться с тем, чтобы интеллектуальное наследие оказалось выброшено на свалку, так же как и труды людей, отдавших свои силы и свое имя историографии, называемой «советской», особенно того поколения, что было отмечено участием в Международных конгрессах исторических наук с 1960 по 1990 г., да и в иных международных форумах, проходивших во Франции или где-то в других местах.

Список литературы

- Кондратьева Т.* Большевики – якобинцы и призрак термидора / Пер. с фр. Е.А. Лебедевой и Т.Б. Пошерстник. М.: Ипол, 1993. [Kondrat'eva T. Bol'sheviki – yakobincy i prizrak termidora / Per. s fr. E.A. Lebedevoy i T.B. Posherstnik. M.: Ipol, 1993].
- Мазорик К.* Альбер Собуль, историк и гражданин // Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 120-146. [Mazorik K. Al'ber Sobul', istorik i grazhdanin // Francuzskij ezhegodnik 2002: Istoriki Francii. K 100-letiyu V.M. Dalina. M.: Editorial URSS, 2002. S. 120-146].
- Мазорик К.* Мои встречи с советскими историками Французской революции в 1962-1992 гг. // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении.

- 20-е – 80-е годы XX в. Изд-во ЛКИ, 2007. С. 287-298. [Mazorik K. *Moi vstrechi s sovetskimi istorikami Francuzskoj revolyucii v 1962-1992 gg.* // *Francuzskij ezhegodnik 2007: Sovetskaya i francuzskaya istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-е – 80-е gody НКН v. Izd-vo LKI, 2007. S. 287-298*].
- Тихвинский С.Л.* XVII Международный конгресс исторических наук в Мадриде // *Новая и новейшая история. 1991. № 2.* [Tihvinskij S.L. *XVII Mezhdunarodnyj kongress istoricheskikh nauk v Madride // Novaya i novejšaya istoriya. 1991. № 2.*]
- Фюре Ф.* Постигание Французской революции / Пер. с фр. Д.В. Соловьева. СПб., ИНАПРЕСС, 1998. [Fyure F. *Postizhenie Francuzskoj revolyucii / Per. s fr. D.V. Solov'eva. SPb., INAPRESS, 1998.*]
- Чудинов А.В.* «Новая русская школа» в историографии Французской революции: ad fontes! // *Universitas historiae. Сб. ст. в честь П.Ю. Уварова. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 523-532.* [Tchoudinov A. «*Novaya russkaya shkola*» v istoriografii Francuzskoj revolyucii: ad fontes! // *Universitas historiae. Sb. st. v chest' P.YU. Uvarova. M.: IVI RAN, 2016. S. 523-532.*]
- Чудинов А.В.* Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // *Французский ежегодник 2000. 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: итоги юбилея. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 5-23.* [Tchoudinov A. *Smena vekh: 200-letie Revolyucii i rossijskaya istoriografiya // Francuzskij ezhegodnik 2000. 200 let Francuzskoj revolyucii 1789-1799 gg.: itogi yubileya. M.: Editorial URSS, 2000. S. 5-23.*]
- Чудинов А.В.* У истоков революционного утопизма. М.: Знание, 1991. [Tchoudinov A. *U istokov revolyucionnogo utopizma. M.: Znanie, 1991.*]
- Чудинов А.В.* Утопии века Просвещения. М.: ИВИ РАН, 2000. [Tchoudinov A. *Utopii veka Prosveshcheniya. M.: IVI RAN, 2000.*]
- Чудинов А.В.* Утопии века Просвещения. 2-е изд. М.: ГАУГН-пресс, 2017. [Tchoudinov A. *Utopii veka Prosveshcheniya. 2-e izd. M.: GAUGN-press, 2017.*]
- Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 4 (369).*
- Annales historiques de la Révolution française. 2017. № 1 (387).*
- Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2008. № 104.*
- Ducange J.-N.* *La Révolution française et l'histoire du monde: deux siècles de débats historiques et politiques, 1815-1991. P., 2014.*

- Écrire l'histoire par temps de guerre froide : Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime / Sous dir. S. Aberdam et A. Tchoudinov. Paris : Société des études robespierristes, 2014.
- Furet F.* Le catéchisme révolutionnaire // *Annales*. 1971. № 2. P. 255-289.
- Furet F.* Penser la Révolution française. Paris : Gallimard, 1978.
- Kondratieva T.* 1789 versus 1917 ? // *L'incorruptible* (Arras). 2017. № 102. P. 2.
- La Révolution française et les processus de socialisation de l'homme moderne : colloque international de Rouen, 13, 14, 15 octobre 1988. Paris : Messidor, 1989.
- Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. Étude révolutionnaires / Sous dir. de V. Smirnov. Paris : Société des études robespierristes, 2003.
- Mathiez A.* Révolution russe et Révolution française / Préface de Y. Bosc et F. Gauthier. Paris : Éditions critiques, 2017.
- Mazauric C.* Albert Soboul (1914-1982), Un historien en son temps. [Narrosse]: Éd. d'Albret, 2004.
- Mazauric C.* Au bord du gouffre. Paris : Éditions Arcane, 2016.
- Mazauric C.* Babeuf et la Conspiration pour l'égalité. Paris : Éditions sociales, 1962.
- Mazauric C.* Destins: quatre poilus originaires de Collorgues dans la Grande guerre, 1914-1918. Nîmes: Éditions de la Fenestrelle, 2014.
- Mazauric C.* L'Histoire de la Révolution française et la pensée marxiste. P., 2009.
- Mazauric C.* Sur la Révolution française, contributions à l'histoire de la révolution bourgeoise. Paris : Éditions sociales, 1970.
- Tchekantseva Z.* La réception de Boris Porchnev en France et en URSS // Écrire histoire par temps de guerre froide : Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime / Sous dir. S. Aberdam et A. Tchoudinov. Paris : Société des études robespierristes, 2014. P. 69-79.
- Tchoudinov A. V.* *Fantoms of Enlightenment // Eighteenth-Century Life*. Williamsburg (Virginia). 1991. Vol. 15. № 3. P. 93-102.
- Tchoudinov A.* La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons» // Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme / Étude révolutionnaires. № 5. Paris: Société des études robespierristes, 2003. P. 43-56.
- Tchoudinov A.* Utopias in History // 18th International Congress of Historical Sciences. Actes. Montreal: Université du Québec, 1995. P. 487-489.

Alexander V. Tchoudinov

THE LIFE AND REVOLUTION

Interview with Claude Mazauric

In the introductory article the author narrates about his meetings with famous researcher of the French revolution, and the prominent activist of the French Communist party in the past, Claude Mazauric, emphasizing that despite their differences in the estimates of the French revolution, the personality and political position of this historian had always induced in him a deep respect and admiration. According to the author, Claude Mazauric is, undoubtedly, a man of the twentieth century, a bygone "age of heroes", when the left were really left and the right were really right, and it was impossible to confuse them, unlike the present politicians. Claude Mazauric himself narrates in the interview about his life, about those outstanding historians with whom he worked, and evaluate the current situation in the French and Russian historiography of the French Revolution.

Keywords: historiography, the French Revolution, Claude Mazauric, Albert Soboul, François Furet